КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го августа. № 15. 1871 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О РУССКИХЪ ПОДВИЖНИКАХЪ БЛИЖАЙШАГО КЪ НАМЪ ВРЕМЕНИ.

(Продолженіе).

Доселѣ довольно сказано было нами о келейной жизни подвижниковъ, о великихъ подвигахъ совершаемыхъ ими для угожденія Богу. Теперъ скажемъ, что можно, объ отношеніи нынѣшнихъ подвижниковъ къ обществу, о ихъ вліяніи на общество. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе архимандритъ Фотій, настоятель Юрьева монастыря, жившій въ началѣ настоящаго вѣка. За свою аскетическую жизнь онъ пользовался безграничнымъ благоговѣніемъ графини Орловой-Чесменской, любовью Аракчеева и другихъ высокопоставленныхъ лицъ того времени. Потому онъ имѣлъ большое вляніе въ Петербургѣ, былъ допускаемъ ко дворцу и даже не разъ разговаривалъ съ самимъ государемъ. Тогда въ Петербугѣ было еще въ силѣ библейское общество и массоны. Въ виду этихъ обстоятельствъ Фотію казалось, что наступаетъ новое царство антихриста и всѣ обстоятельства склоняются къ тому, чтобы это царство получило скорѣйшее распространеніе. Особенно не нравилось ему то, что Голицинъ, министръ народнаго просвѣщенія, былъ вмѣстѣ министромъ духовныхъ дѣлъ и правителемъ почтъ.

«Все противное церкви вводится», пишетъ Фотій, и «духовенство ничего не можетъ сказать. Для смѣшенія всѣхъ религій министру подчинены всѣ религіи, даже жидовская и магометанская. Чтобы смѣшать религіи съ ложнымъ просвѣщеніемъ, а черезъ то исказить и религію и просвѣщеніе, министерство духовныхъ дѣлъ соедитяется съ министерствомъ просвѣщенія въ одномъ лицѣ. Къ удобнѣйшему распространенію новыхъ идей учреждено библейское общество, чтобы, подъ видомъ набожности, удобнѣе имѣть сообщеніе. Учередители этого общества—методисты, которыхъ и Римская и Лютеранская Церковь называетъ отступниками отъ вѣры. Въ пособіе сему обществу издаются книжки, проникнутыс симъ духомъ. Голицинъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, разсылаетъ ихъ ко всѣмъ важнымъ духовнымъ лицамъ, а какъ министръ просвѣщенія—ко всѣмъ попечителямъ университетовъ и во всѣ свѣтскія учебныя заведенія. Всякій противъ воли долженъ принять эти книжки. А дабы почтовое вѣдомство не выдало какой нибудь тайны сношеній или не воспрепятствовало распространенію книгъ, тотъ же министръ беретъ на себя и управленіе почтовою частію. Такъ черезъ троякое министерство въ однихъ рукахъ всѣ ереси и духъ реформы или революціонный такъ сильно распространяется, что многихъ въ ужасъ приводитъ. Однимъ изъ такихъ приходящихъ въ ужасъ былъ Фотій. Онъ считалъ своею священною обязанностію подавлять ересь,—считалъ себя призваннымъ на это дѣло. Въ теченіе великаго поста, пишетъ Фотій, (въ 1822) слышно было, что Господь явно началъ сокрушать, черезъ своихъ вѣрныхъ, силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражіи шатаются, невѣріе трепещетъ. Проходитъ святая Пасха и вызывается, сверхъ всякаго чаянія, старый ратоборецъ Фотій на подвигъ». Въ своей автобіографіи Фотій выставляетъ себя

нелицепріятнымъ глашатаемъ правды. Онъ держитъ себя чрезвычайно независимо. Даже представляясь Государю, онъ, войдя въ комнату, прежде всего ищетъ глазами по стѣнамъ образа, чтобы прежде всего воздать честь царю небесному и потомъ уже вступаетъ въ бесѣду съ царемъ земнымъ. Съ помощію Аракчеева, Фотій, кажется, дѣйствительно много сдѣлалъ для поддержанія православія. Очень важно то, что онъ былъ единственный изъ недавнихъ подвижниковъ имѣвшій вліяніе въ правительственныхъ сферахъ. Остальные подвижники имѣли вліяніе только на монашествующихъ и поклонниковъ, которые приходили къ нимъ за благословеніемъ. Уже сказано было, что воспитавшись подъ руководствомъ лучшихъ учениковъ Паисія Величковскаго недавніе подвижники отличались особенною снисходительностію къ ближнимъ, многіе изъ нихъ были настоятелями и духовниками монастырей. Во время своего настоятельства они особенно заботились о томъ, чтобы соблюденіе монашескихъ уставовъ не было дѣломъ необходимости, не совершалось по нуждѣ или принужденію, но было дѣломъ свободнаго желанія, совершалось по сознанію ихъ спасительности, по желанію соблюденіемъ ихъ принести пользу для своей души и послужить общей пользѣ братіи. Они поучали болѣе своимъ примѣромъ, чѣмъ словами. Такъ напримѣръ Ѳеофанъ своею жизнію служилъ образцомъ для каждаго изъ братіи. Онъ не пропускалъ ни одной церковной службы въ обители, вмѣстѣ съ братіей исполнялъ всякія монастырскія послушанія, когда былъ въ силахъ: косилъ и собиралъ сѣно, разчищалъ сѣнокосы, рубилъ дрова, выкапывалъ пни и т. д. Въ своемъ монастырѣ онъ всего болѣе желалъ видѣть миръ и любовь, ради которыхъ готовъ былъ прощать монахамъ даже уклоненія отъ строгости поста и

другихъ аскетическихъ подвиговъ. Для этого онъ выше всѣхъ добродѣтелей ставилъ смиреніе. «Нѣтъ надежнѣйшаго и ближайшаго пути ко спасенію, поучалъ, онъ, какъ путь смиренія. Это первая добродѣтель: гордостію одной можно погибнуть, а смиреніемъ спастись. Безъ смиренія хоть бы власяницу носили, хоть вериги не принесутъ онѣ никакой пользы: нестяжаніе, раздаяніе милостыни, постъ и молитва—ничто безъ смиренія; сколько поклоновъ не клади, а будешь мечтать о себѣ, что жестокую жизнь веду—не получишь никакой пользы: вся сила въ смиреніи. Нужно только, чтобы смиреніе было искреннее, въ самомъ сердцѣ, а не на словахъ только и наружныхъ дѣйствіяхъ. Если по внѣшности только смиренны, тихи, терпѣливы—этого недостаточно; надобно внутреннее, духовное самоуничиженіе, чтобы признавать себя хуже всѣхъ. Въ обители надо всѣхъ признавать святыми, почитать, что это земное небо. Ежели бы Богъ удостоилъ въ кротости, въ терпѣніи, въ любви жить, и здѣсь дѣйствительно было бы царство небесное, спокойствіе небесное. А этого уже нѣтъ хуже въ обителяхъ, какъ раздоръ, противорѣчіе, презрѣніе другихъ». Точно также и Леонидъ, великій подвижникъ Оптиной пустыни, желая видѣть въ своемъ монастырѣ такое же согласіе, постоянно повторялъ своимъ ученикамъ слово Господа: «*о семъ познаютъ яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*. Для возбужденія этого истиннаго чувства любви между братіей подвижники заставляли своихъ учениковъ какъ можно чаще читать Евангеліе. Въ Оптиной пустыни было обыкновеніе послѣ повечерія ежедневно читать по нѣскольку главъ изъ евангелистовъ, и всѣ братіи обязаны были внимательно слушать это чтеніе. Точно также дѣйствовалъ и Парфеній Кіевскій. При смерти, прощаясь съ своими духовными самыми ближайшими дѣтьми,

онъ каждому въ благословеніе давалъ Евангеліе, завѣщевая каждыя двѣ недѣли непремѣнно прочитывать всѣхъ четырехъ евангелистовъ.—Въ исправленіи паденій и поступковъ, несоотвѣтствующихъ иноческой жизни, подвижники также дѣйствовали съ мудрою осторожностію и съ неутомимымъ рвеніемъ. Когда они были духовниками въ монастыряхъ, они убѣждали братій, какъ можно чаще приходить къ нимъ на исповѣдь, если можно даже ежедневно. У старца Иларіона, духовника Симонова монастыря, спросили однажды: какъ быть, если по поисповѣданіи грѣховъ человѣкъ впадаетъ въ прежніе грѣхи? Не излишнею ли будетъ частая исповѣдь? Онъ прекрасно отвѣчалъ на это слѣдующимъ подобіемъ. Душа, говорилъ онъ, какъ бы таблица, на которую ложится пыль, а исповѣдь—какъ бы опахало, или крыло, которымъ сметается она, чтобы таблица была чиста. Приставникъ сметающій пыль конечно не станетъ считать сколько разъ онъ сметалъ ее, если къ вечернему приходу господина хочетъ оставить таблицу чистою, а будетъ стараться только о ея чистотѣ, и заслужитъ похвалу отъ хозяина дома«. Дѣйствуя такъ неутомимо въ исправленіи недостатковъ подчиненыхъ имъ монаховъ, подвижники вмѣстѣ съ тѣмъ были чрезвычайно терпѣливы, если это имъ не легко удавалось. Они почти никогда не высылали изъ монастыря братій, упорныхъ въ заблужденіи. Такъ поступалъ, напримѣръ, Агапитъ. Однажды кто то замѣтилъ ему, что онъ напрасно не высылаетъ изъ обители людей, живущихъ слабо. Я не люблю говорить объ этомъ, отвѣчалъ архимандритъ, но какъ подобная рѣчь доходитъ до моего слуха уже не разъ, то спрошу васъ въ свою очередь: чѣмъ вы убѣдите меня, что высланный изъ обители братъ будетъ лучше, если я не захочу терпѣть его немощей и врачевать его грѣховъ?

Съ тою же внимательностію и снисходительностію отно-

сились подвижники и къ мирянамъ. Они (исключая затворниковъ) были болѣе доступны для всѣхъ, чѣмъ подвижники древніе. «Всегда и безъ малѣйшаго опасенія прогнѣвить его говорится объ Агапитѣ, всякій могъ прервать слабый и краткій его сонъ, отвлечь его отъ трапезы, лишить покоя и завести съ нимъ разговоръ въ то время, когда онъ вовсе былъ къ тому не расположенъ. Это былъ по истинѣ свѣтильникъ на свѣщницѣ, говорится о другомъ подвижникѣ—Мардаріѣ, который горѣлъ день и ночь; это былъ истинный врачь, съ любовью помогавшій въ тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзняхъ. Около него постоянно толпились люди разнаго званія, пола и возраста. Одни выходили отъ старца, получивъ отъ него благословеніе, другіе для той же цѣли входили къ нему. Такъ же и о. Ѳеофанъ съ одинакою любовію принималъ каждаго, кто желалъ получить отъ него наставленіе на пользу души; не было у него различія для знатныхъ и незнатныхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Тѣхъ же правилъ держались и подвижницы. Нѣкоторые совѣтовали настоятельницѣ монастыря не всѣхъ пускать въ монастырь, но она въ оправданіе своего образа дѣйствій указывала имъ на то, что первый вошелъ въ рай разбойникъ. Посудите сами, говорила она съ смиреніемъ, прилично ли мнѣ, недостойной грѣшницѣ, разсматривать чужіе грѣхи? Мнѣ ли, нуждающейся въ безграничномъ милосердіи Отца Небеснаго, затворять двери моимъ ближнимъ ко Христу? Монастырь есть мѣсто покаянія; не праведники, а грѣшники имѣютъ нужду въ покаяніи. Иные изъ подвижниковъ сами вступали въ общество, съ цѣлію возбудить въ людяхъ любовь къ благочестію. Такъ, напримѣръ, многіе удивлялись Игнатію (Брянчанинову) какъ онъ, подвижникъ и молитвенникъ, не чуждался съ тѣмъ вмѣстѣ общества, бывалъ пріятнымъ собесѣдникомъ людямъ свѣтскимъ, умѣлъ возбуждать въ

нихъ къ себѣ довѣріе и дѣйствовать на нихъ ко благу душевному. Видя въ немъ не столько лицо духовное, сколько добраго знакомаго, равнаго по уму и образованію, многіе весьма расположенные къ иночеству лица любили бывать у него въ обители и видѣть его въ своихъ домахъ, что незамѣтно склоняло ихъ къ благочестію. Благочестіе было цѣлію и основою всѣхъ бесѣдъ о Игнатія, и самый свѣтскій разговоръ старался онъ свести къ назиданію своихъ слушателей. Кромѣ Брянчанинова и другіе подвижники своими бесѣдами имѣли вліяніе на людей высокообразованныхъ. Такъ напримѣръ Кирѣевскій часто посѣщалъ дичину пустынь и съ удовольствіемъ бѣсѣдовалъ тамъ съ подвижниками. Точно также Гоголь, въ послѣдніе годы своей жизни. По опредѣленію высокопреосвященнѣйшаго Никанора (митрополита Петербургскаго) одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ подвижниковъ благочестія—Паисій, назначенъ былъ духовникомъ студентовъ Петербургской академіи. Цѣня всего болѣе опытность въ духовной жизни, владыка, при возложеніи на Паисія этой обязанности, сказалъ: пусть ка неученый наставляетъ мудрыхъ и Паисій оправдалъ надежды владыки. Онъ скоро понялъ духовныя потребности и недостаки новыхъ своихъ дѣтей, съ нѣжною заботливостію отца входилъ въ положеніе каждаго и являлся опытнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ духовной жизни.

ВЪ КАКОМЪ ВѢКѢ ЖИЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ?

Народныя великорусскія пѣсни и сказки величаютъ Илью Муромца какъ главнаго богатыря Владимірова времени; и на этомъ основалось мнѣніе, что онъ жилъ въ *десятомъ* вѣкѣ. Но такое основаніе ненадежно для вывода историческаго; ибо въ изустной поэзіи сѣверно-русскаго народа все древнее, дотатарское время сливается и смѣшивается въ одинъ богатырскій вѣкъ славнаго князя кіевскаго Владиміра, и въ современники ему даются лица позднѣйшихъ вѣковъ. Таковы напримѣръ новгородцы: *Ставръ*, современный Мстиславу великому, или *Садкó*, богатый гость, жившій при Мономаховыхъ внукахъ (см. новгородскія лѣтописи, подъ 1118 и 1167 гг.). Потому и мнѣніе о принадлежности Ильи Муромца X-му вѣку мы не можемъ признать за основательное, и предпочитаемъ ему другое мнѣніе издавна существующее въ Кіевѣ. Здѣсь, въ Антоніевой или Ближней пещерѣ почиваютъ издревле мощи святаго богатыря,— и декабря 19 празднуется «память преподобнаго отца нашего Ильи Муромца, въ *двѣнадцатомъ вѣкѣ бывшаго*». Признаніе за нимъ этого столѣтія утвердилось въ Кіевѣ особенно со времени митрополита Евгенія; а впервыя оно было обнародовано еще въ *1638* году, въ книгѣ *Тератургимъ*, напечатанной въ печерской лаврѣ. Сочинитель ея, здѣшній монахъ Аѳанасій Кальнофойскій, написалъ, что преп. Илія Муромецъ жилъ за *450* лѣтъ; выходитъ около *1188* года.

Это давнее кіевское показаніе обращается уже, по справедливости, въ господствующее *историческое* мнѣніе. Не далѣе, какъ въ прошломъ 1870 году, А. Н. Майковъ, въ предисловіи къ своему переводу Слова о полку Игоревѣ, сказалъ такъ: «большая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владиміра; напримѣръ объ Ильѣ Муромцѣ есть *положительное свѣденіе*, что онъ жилъ въ XII столѣтіи, около 1188 года». Противъ этого мнѣнія возсталъ г. Квашнинъ-Самаринъ, въ пятой книгѣ *Бесѣды*, въ статьѣ своей: «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи. Такъ онъ говоритъ вотъ что: «Показаніе Кальнофойскаго не есть сколько нибудь сильный аргументъ. Онъ могъ поставить цифру на угадъ; да притомъ въ XVII-мъ столѣтіи малороссы знали крайне плохо древнюю исторію Руси. Мы не беремся даже сказать, зналъ ли Кальнофойскій навѣрное, за сколько лѣтъ отъ него жилъ св. Владиміръ« (с. 225).

Зачѣмъ такое немилостивое и несправедливое осужденіе отъ нынѣшняго великоросса?!... Оно изобличаетъ собою *незнаніе* ни книги Кальнофойскаго, ни другихъ историческихъ книгъ, написанныхъ тогдашними кіевлянами—Захаріей Копыстенскимъ, Сильвестромъ Коссовымъ, Өеодосіемъ Софоновичемъ .. Гдѣ же и кто лучше ихъ зналъ тогда древнюю исторію Руси?

Аөанасій Кальнофойскій былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ сподвижниковъ достопамятнаго Петра Могилы, которые вмѣстѣ съ нимъ *(1635 г.)* открыли гробницу св. Владиміра, въ развалинахъ Десятинной церкви, какъ это видно изъ его Тератургимы. Что онъ зналъ все написанное дотолѣ въ Кіевѣ о св. Владимірѣ, то видно также изъ его книги. Конечно не *наугадъ* написалъ онъ и свое показаніе о принадлежности Иліи Муромца *второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка.* Въ кіевскихъ пещерахъ, надъ мощами почивающихъ

тамъ подвижниковъ, были стародавнія доски съ краткими о нихъ извѣстіями. Тѣми надписями руководились всѣ, писавшіе въ томъ вѣкѣ о св. отцахъ печерскихъ. Вотъ древній источникъ, изъ котораго Кальнофойскій могъ заимствовать показаніе свое объ Иліи Муромцѣ. Въ историческомъ отношеніи оно важнѣе всякаго баснословія поэтическаго, тѣмъ болѣе, что не встрѣчается ему противорѣчія въ другихъ преданіяхъ кіевскихъ, о святомъ богатырѣ.

А г. Квашнинъ-Самаринъ опровергаетъ Кальнофойскаго двумя будтобы кіевскими преданіями. Необходимо объяснить это двоякое недоразумѣніе нынѣшняго москвитянина. Онъ говоритъ: «преданіе печерскаго монастыря, восходящее тоже къ XVII вѣку *если*? (или) не далѣе, говоритъ напротивъ того, что Илья Муромецъ *окончилъ дни* въ одной изъ кіевскихъ пещеръ *раньше основанія печерскаго монастыря и раньше св. Антонія*, значитъ никакъ не въ XII столѣтія, а много раньше, и легко можетъ быть, во время Владиміра» (стр. 224).

А я скажу на это, что такого преданія не было и не могло быть, въ печерскомъ монастырѣ, судя по всѣмъ писаніямъ о немъ, начиная съ Несторовыхъ сказаній о его началѣ. Новѣйшее недоразумѣніе произошло вотъ изъ чего. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ изданія книги Кальнофойскаго, одинъ лаврскій «изобразитель« потрудился вырѣзать на деревѣ изображенія разныхъ отцевъ печерскихъ, для распространенія ихъ между богомольцами; въ томъ числѣ онъ представилъ и св. Илью, съ такимъ надписаніемъ: *преп*. Илія Муромскій, иже вселися въ пещеру *преп*. Антонія въ Кіевѣ, идеже до нынѣ нетлѣней пребываетъ«. Изображеніе сдѣлано произвольно и несходно съ мощами святаго богатыря, у котораго лѣвая рука съ язвою отъ копья, а на правой рукѣ три первые перста сложены крестомъ по право-

славному: видно, что они такъ и оцѣпенѣли въ молитвенную минуту его кончины. Но по чрезвычайной рѣдкости того рисунка, онъ изданъ былъ г. Стасовымъ въ извѣстіяхъ русскаго археологическаго общества (во 2 выпускѣ 3 тома); а потомъ скопированъ былъ и г. Закревскимъ при его описаніи Кіева. Профессоръ Миллеръ, въ своей книгѣ объ Ильѣ Муромцѣ, приводя вышепомянутую надпись лаврскаго древорѣза, въ которой слова *преподобный*, *нынѣ* поставлены подъ титлами, ошибся въ ея чтеніи, и вмѣсто словъ: «вселися въ пещеру *преподобнаго* Антонія» прочелъ: «вселися въ пещеру *прежде* Антонія»! Такъ прочелъ онъ, конечно, подъ вліяніемъ предвзятой мысли о принадлежности Ильи Муромца десятому вѣку. Эту случайную и недавнюю ошибку профессора Миллера г. Квашнинъ-Самаринъ поспѣшилъ обратить уже въ давнее «преданіе печерскаго монастыря» и опровергаетъ ею показаніе Кальнофойскаго! На самомъ же дѣлѣ и та надпись нисколько ему не противорѣчитъ; ибо *пещера преп Антонія* была ископана имъ не раньше, какъ въ княженіе Изяслава Ярославича, и вселиться въ нее нельзя было никому, раньше самаго основателя и первоначальника печерскаго монастыря. Но въ той пещерѣ почиваютъ мощи русскихъ подвижниковъ, бывшихъ и въ XII-мъ вѣкѣ, и въ XIII-мъ, и кончавшихъ дни свои не только въ Кіевѣ, но и вдали отъ него.

Другое возраженіе: «западный путешественникъ Лассота, бывшій въ Кіевѣ въ XVI столѣтіи, говоритъ, что онъ видѣлъ *около развалинъ десятинной церкви* разрушенную гробницу нѣкоего героя Ильи *Муровлянина*, о которомъ ходятъ много сказокъ»... (с. 225). Здѣсь опять невѣрная передача кіевскаго преданія, записаннаго *Эрихомъ Лассотою*, *1594* года, въ его дневникѣ (tagebuch), весьма любопытномъ для исторіи тогдашняго козачества приднѣпровскаго.

У него нѣтъ и помину о *развалинахъ Десятинной церкви*: ихъ поставилъ г. Квашнинъ-Самаринъ отъ себя подъ вліяніемъ той предвзятой мысли, что богатырь Илія окончилъ дни еще при св. Владимірѣ.

Ляссота описываетъ старокіевскую *церковь св. Софіи* и говоритъ, что при ней «внѣ ея, въ особой каплицѣ, находилась прежде гробница Ильи *Моровлина* (Morowlin) знаменитаго героя или богатыря (bohater), о которомъ разсказываютъ много сказокъ. Она теперь разрушена; но гробница сподвижника его уцѣлѣла въ той же каплицѣ. Внѣ церкви показываютъ также мѣсто, гдѣ похоронены благотворители и строители церкви, но на ихъ могилахъ нѣтъ памятниковъ».

Это кіевское преданіе о гробницѣ Иліи при церкви Софійской, записанное иноземцемъ Лясотою [1]) почти за полвѣка до книги Кальнофойскаго, не только не противорѣчитъ его показанію, но подтверждаетъ собою, что богатырь нашъ скончался не при св. Владимірѣ, а уже по кончинѣ его сына Ярослава; слѣдовательно, никакъ не раньше второй половины XI-го вѣка; но погребенными при той церкви Илія и его сподвижникъ могли быть и въ исходѣ XII-го вѣка.

Итакъ, нѣтъ противорѣчія извѣстію Кальнофойскаго ни въ этомъ мѣстномъ старокіевскомъ преданіи о *гробницѣ* богатыря Иліи, бывшей при церкви Софійской; ни въ той надписи лаврскаго древорѣза о *вселеніи* преп. Иліи въ пе-

---

[1]) Въ Тератургимѣ Кальнофойскаго, въ концѣ выписки изъ печерскаго помянника, означенъ между *земянами* кіевскими *Лясота*. Не будетъ ли это *Юрій Лясота*, извѣстный изъ подымной росписи 1631 года? Въ дневникѣ Окольскаго 1638 года упоминается еще *Андрей Лясота*, сотенный атаманъ полка черкасскаго.

щеру Антоніеву, означенномъ, какъ мнѣ кажется, уже по народному понятію и представленію о святомъ служителѣ Русской земли. А потому кіевское давнее мнѣніе о принадлежности Иліи Муромца *второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка* остается въ полной силѣ своей, и должно быть признаваемо за *положительное* свѣденіе историческое.

При этомъ свѣдѣніи не значительнымъ оказывается и то предположеніе г. Квашнина-Самарина, что Илія Муромецъ, можетъ быть, есть одно лицо съ тѣмъ *Рохдаемъ удалымъ*, о которомъ говорится въ позднѣйшей лѣтописи Никоновской, что онъ «наѣзжаше на триста человѣкъ»; что онъ умеръ и погребенъ въ *1000*-мъ году (то есть, за 15 лѣтъ до кончины св. Владиміра).

«Много сказокъ» о богатырѣ Ильѣ, по словамъ Лясоты. Вотъ одна изъ тѣхъ *староукраинскихъ* сказокъ, записанная имъ въ Кіевѣ-за *276* лѣтъ, стало быть, много раньше, чѣмъ великорусскіе стихи о богатыряхъ стали входить въ русскую письменность. «Здѣсь (въ кіевскихъ пещерахъ) находятся также мощи великана и богатыря, прозываемаго Чоботькомъ». (Что это народно-украинское прозваніе принадлежало Иліи Муромцу, то извѣстно изъ книги Кальнофойскаго). «О немъ ведется слѣдующій разсказъ. Однажды напали на него нежданно многочисленные враги, въ ту самую пору, какъ онъ обулся только еще въ одинъ *чёботъ* (сапогъ). Въ торопяхъ, не успѣвъ найти другаго оружія, онъ сталъ обороняться отъ нихъ другимъ, еще не надѣтымъ на себя, чёботомъ, и побилъ имъ всѣхъ напавшихъ на него враговъ. Отъ того и получилъ онъ свое прозваніе».

На родинѣ Ильи Муромца, въ селѣ Карачаровѣ (которое въ нынѣшнемъ столѣтіи принадлежало еще графу Разу-

мовскому, а потомъ досталось графу Уварову), есть крестьяне *Ильюшины*, присвояемые въ потомство славнаго богатыря. Съ такою же вѣроятностью можетъ быть приписанъ ему въ родню и дворянскій родъ *Чоботьковъ*, еще на моей памати процвѣтавшій въ Кіевѣ.

Михаилъ Максимовичъ.

1871 г. 9 іюля

Михайлова-гора.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ Г. ГИЛЬТЕБРАНДТУ.

Въ первомъ нумерѣ «Виленскаго Вѣстника» сего года помѣщена статья г. Гильтебрандта «Апокрисисъ», написанная по поводу недавняго изданія въ Кіевѣ этой знаменитой Острожской книги, въ память юбилея Кіевской Духовной Академіи 28 сентября 1869 года Предоставляю профессору Малышевскому и его сотрудникамъ отозваться на тѣ замѣчанія г Гильтебрандта, которыя относятся собственно къ ихъ труду надъ переводомъ, объясненіемъ и изданіемъ Апокризиса. Съ своей стороны я считаю небезполезнымъ предложить слѣдующія замѣтки на статью Виленскаго критика.

1.

Кто сочинилъ Апокризисъ, изданный 1597 подъ именемъ *Христофора Филалета?* Въ началѣ статьи своей г. Гильтебрандтъ говоритъ вотъ что: «Псевдонимъ, принятый авторомъ Апокрисиса, подалъ поводъ нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и преосвященному Филарету, приписывать сочиненіе это Адаму Потѣю. Несообразность этой догадки удивитъ каждаго, кто помнитъ, что еще задолго до 1597 г Потѣй вмѣстѣ съ Терлецкимъ путешествовали въ Римъ, гдѣ отдались въ духовное подданство папѣ и за сіе удостоились цѣлованія его туфли».

Задолго до 1597 года!... Всего-то за годъ съ немногими недѣлями. И зачѣмъ называть Потѣя *Адамомъ*, когда

онъ въ тѣ годы извѣстенъ былъ уже подъ именемъ *Ипатія*? Но вотъ что должно удивить самаго г. Гильтебрандта: собственная его неосмотрительность, съ какою взвелъ онъ на историка русской церкви сущую напраслину и небылицу. Невозможное дѣло, чтобы покойный Филаретъ приписалъ сочиненіе Апокризиса—отступнику отъ православія, *Ипатію!* Это не болѣе, какъ случайное недоразумѣніе г. Гильтебрандта, отъ котораго справедливо было бы ему отказаться печатно и повиниться передъ памятью знаменитаго писателя.

Филаретъ, въ первомъ изданіи своей исторіи, напечатанномъ въ Ригѣ 1847 года, слѣдовалъ господствовавшему тогда мнѣнію, что Апокризисъ напечатанъ въ *Вильнѣ* и сочиненъ *Мелетіемъ Смотрицкимъ* (см. на стр. 105). Объ этомъ упомянуто было въ моей «Книжной старинѣ южнорусской», напечатанной 1849 г., во Временникѣ Моск. Общ. Исторіи древностей. Тамъ я сказалъ, что Мелетій Смотрицкій въ *1597* году былъ еще *молодъ* (лѣтъ 18-ти) для сочиненія книги столь важной по своему назначенію и достоинству, и что онъ выступилъ на полемическое поприще не прежде какъ въ *1610*-мъ году, извѣстною книгою *Ѳриносъ*, напечатанною въ *Вильнѣ*, подъ именемъ *Ѳеофила Орѳолога*. Это сказано было мною въ отрицаніе господствовавшаго тогда мнѣнія, пущеннаго въ ходъ достопамятнымъ *Сопиковымъ*, 1813 года (см. у него I, 69). Мое замѣчаніе было не напрасное; и у Филарета, въ новѣйшемъ изданіи его Исторіи русской церкви, напечатанномъ въ Черниговѣ 1862 г., сказано такъ (см. кн. 4, стр. 92): «Апокризисъ изданъ подъ именемъ Христофора Филалета, безъ указанія года и мѣста печати. Максимовичъ (Временникъ Общ. Ист. № 1), основываясь на шрифтѣ книги и на свидѣтельствѣ Стебельскаго, полагаетъ, что Апокризисъ напи-

санъ *Христофоромъ Бронскимъ* (а не Смотрицкимъ) и изданъ въ *Острогѣ* 1597 года (а не въ Вильнѣ)».

Сказаніе ученаго и весьма дѣльнаго уніата Стебельскаго (1781 г.), что Апокризисъ сочиненъ *Христофоромъ Бронскимъ*, призваннымъ на то и щедро вознагражденнымъ за то достославнымъ княземъ К. К. Острожскимъ, я не усомнился признать за свидѣтельство *положительное*. Впрочемъ не я первый, положась на Стебельскаго, призналъ *Бронскаго* сочинителемъ Апокризиса. Того же мнѣнія былъ еще митрополитъ Евгеній (см. въ Описаніи Кіевософійскаго собора, 1825 г., стр. 145 и 147), о чемъ также упомянуто въ моей «Книжной старинѣ». Покойному Филарету Черниговскому, а послѣ него профессору Малышевскому, принадлежатъ дальнѣйшія соображенія и розысканія о личности Бронскаго. Между тѣмъ г. Гильтебрандтъ говоритъ, что «приписывать Христофору Бронскому авторскія права на Апокризисъ, по меньшей мѣрѣ, было бы *неосторожно*»! Такое предостереженіе со стороны Виленскаго критика могло бы имѣть значеніе тогда, если бы онъ показалъ намъ инаго сочинителя Апокризиса болѣе достовѣрнаго изъ современныхъ ему документовъ и свидѣтельствъ узнаннаго.

2.

Гдѣ напечатанъ Апокризисъ *въ концѣ 1597* года? Кіевскіе издатели его согласны съ моимъ мнѣніемъ, что онъ напечатанъ былъ *въ Острогѣ*. Виленскому критику хочется отстоять прежнее мнѣніе о напечатаніи Апокризиса *въ Вильнѣ*. Мое мнѣніе объ этомъ представилъ онъ не совсѣмъ вѣрно, придавъ ему то, что принадлежитъ соображенію профессора Малышевскаго. У меня не было и рѣчи объ изданіи Апокризиса на языкѣ *польскомъ*. Я имѣлъ въ виду только изданный на языкѣ *западнорусскомъ*. Три

экземпляра его было у меня подъ рукою въ Кіевѣ 1847 г.,— въ томъ числѣ принадлежащій Михайловскому монастырю, стараніемъ Иринея Фальковскаго переплетенный одинъ томъ съ книгою *Отпись*. Достаточно было мнѣ сличить эти двѣ книги, т. е. *Апокрисисъ* и *Отписъ*, для несомнѣннаго убѣжденія, что обѣ онѣ—одной и той же типографской руки: не только *Острожскій шрифтъ, какого не видно въ тѣ годы ни на одной книгѣ, напечатанной въ Вильнѣ*, но и форматъ, и бумага, и весь наборъ—одни и тѣже! И когда я показалъ это посѣщавшему нерѣдко меня тогда книговѣдцу К. К. Свидзинскому, онъ, пристально поглядѣвши на нихъ, сказалъ: да, Апокризисъ несомнѣнно изданіе *Острожское*.

Желая удержать за *Вильною* напечатаніе этой книги, г. Гильтебрандтъ представляетъ сперва предположеніе свое будто князь К. К. Острожскій приказалъ часть шрифта изъ своей печатни переправить въ Вильну, и этимъ шрифтомъ здѣсь, въ Вильнѣ, отпечатать Апокрисисъ! Изданіе этой книги было тогда дѣло многозначащее и спѣшное, совершавшееся подъ рукою самаго князя. Съ какой стати было бы ему, изъ своего благонадежнаго города Острога, отряжать типографскій шрифтъ въ треволненную тогда Вильну, для напечатанія тамъ, заочно, столь важнаго въ ту пору *Апокризиса!!*...

Гораздо важнѣе указаніе г. Гильтебрандта на Питиримову *Пращицу* 1721 года, въ которой помѣщено Кіевское свидѣтельство, что Апокризисъ напечатанъ *въ Вильнѣ*.

«Противъ этого трудно что возразить»,—говоритъ г. Гильтебрандтъ. Но я предлагаю ему въ возраженіе вотъ что: 1) Напрасно онъ называетъ «*древнимъ* свидѣтельствомъ» то, которое принадлежитъ второму десятилѣтію прошлаго, 18-го вѣка. 2) Напрасно онъ говоритъ: «*вѣроятно* Питиримъ находился въ сношеніяхъ съ Кіевомъ». Изъ Пращицы

достовѣрно извѣстно, что отъ Питирима въ *1717* году былъ нарочито посыланъ въ Кіевъ монахъ *Ѳеоѳилактъ* «снисканія ради книгъ древнихъ», вернувшійся въ Москву въ генварѣ *1718* года. 3) Въ числѣ книгъ, привезенныхъ Ѳеофилактомъ изъ Кіева, была «изъ Софіи святой книга, нарицаемая Апокрисисъ или отповѣдь о соборѣ Берестенскомъ, друкованная въ *Вильнѣ 1597 года*». Это напечатано въ Пращицѣ дважды, и въ текстѣ, и въ послѣсловіи. Но вѣдь это не болѣе, какъ мнѣніе Кіевлянъ прошлаго столѣтія, написанное черезъ 120 лѣтъ послѣ изданія Апокризиса. Можно ли ввѣряться такому позднему мнѣнію, вопреки дѣйствительной очевидности, которая говоритъ сама за себя? Будь это сказано въ Кіевѣ во время близкое къ *1597* году, хоть бы напримѣръ въ *Палинодіи*, тогда бы еще можно было, не довѣряя своимъ глазамъ, положиться на свидѣтельство такихъ людей, которые знали дѣло и писали о немъ по горячимъ его слѣдамъ, по живому преданію современниковъ. А у кіевлянъ прошлаго столѣтія не было вѣрнаго и точнаго свѣдѣнія даже о томъ, когда началось книгопечатаніе въ Кіевѣ. Въ заключеніе скажу еще, что г. Гильтебрандтъ напрасно называетъ *двумя* особыми книгами *Отпись* и *Исторію* о листрійскомъ или флоренскомъ соборѣ: эта *исторія* есть продолженіе *Отписа*, начинающееся на 9-й тетради и кончающееся на первой страницѣ 15-й тетради одной и той же книги, напечатанной въ Острогѣ *1598* года.

3.

Давно уже ведется въ русской библіографіи мнѣніе и сомнѣніе о двукратномъ изданіи *Острожской библіи*,—какъ это можно видѣть изъ книги Сопикова ((I, стр. 46). Смотри также Ундольскаго «Каталогъ библіотеки Кастерина» 1848 г. (№ 30 и 32). Въ моихъ «письмахъ о князьяхъ Острож-

скихъ,» изданныхъ въ Кіевѣ 1866 года, я не усомнился сказать слѣдующее: «Того же (*1580*) года напечатана была отдѣльно *Симфонія* въ 8-ку, а наконецъ и полная *Библія* въ листъ Это *первое* изданіе Острожской Библіи величайшая рѣдкость Встрѣчается обыкновенно *второе* ея изданіе *1581* года» (стр 88).

Въ предисловіи къ кіевскому изданію Апокризиса сдѣлано мимоходное примѣчаніе о двукратномъ изданіи Острожской Библіи, 1580 и 1581 г. (стр. XXVII). Противъ этого примѣчанія, г. Гильтебрандтъ возражаетъ такимъ соображеніемъ своимъ, что «набрать и напечатать, въ то время, въ одинъ годъ такую книгу, какъ библія Острожская, *не мыслимо!*»

Но въ дѣйствительности, бываетъ то, что кажется не мыслимымъ, и наоборотъ, не встрѣчается того, что весьма мыслимо. У насъ нѣтъ извѣстія о томъ, въ какомъ именно году достопамятный Москвитинъ, Иванъ Ѳедоровъ, началъ *набирать* Острожскую Библію. Но изъ печатныхъ выходныхъ листовъ въ концѣ книги, встрѣчаемыхъ съ его именемъ, достовѣрно извѣстно, что въ *первый* разъ *отпечатана* была имъ Библія—*1580 года 12 іюня* (должно быть, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ); а во *второй* разъ (уже окончательно)—*1581 года 12 августа*. При этомъ второмъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ самомъ текстѣ: этими *разностями* и отличается оно отъ перваго изданія также, какъ и послѣднимъ, выходнымъ листомъ. Покойный книговѣдецъ Т. Ѳ. Большаковъ показывалъ мнѣ, въ Москвѣ, въ 1850 году, листы перваго изданія Библіи съ разностями противъ втораго, и говорилъ мнѣ, что ему извѣстно *пять* экземпляровъ перваго изданія. Есть экземпляръ его и въ Императорской публичной библіотекѣ.

4.

Въ концѣ статьи своей, г. Гильтебрандтъ объявляетъ, что въ нынѣшнемъ году будетъ издана въ Вильнѣ—«величайшая библiографическая рѣдкость: Виленскiй Соборъ 1509 года» и говоритъ, что «подробное изслѣдованiе объ этой маленькой книжицѣ, быть можетъ, заставитъ считать *первопечатною* ее, а не виленскiй Апостолъ». То есть: *быть можетъ* окажется, что въ Вильнѣ началось книгопечатанiе прежде *1525* года, въ которомъ былъ тамъ изданъ апостолъ. Тогда тотъ экземпляръ Виленскаго Собора, добытый для виленской библiотеки А. В. Рачинскимъ, дѣйствительно былъ-бы-старопечатною драгоцѣнностью»!

Но—*быть можетъ* окажется, что та «маленькая книжица» есть экземпляръ старопечатнаго, давно извѣстнаго въ библiографiи нашей изданiя Виленскаго собора, которое напечатано было *во Львовѣ*. Объ этомъ изданiи упомятуто было и въ моей книжной старинѣ (гл. III), съ ссылкою на *Сопикова* (I, 1394). Нынѣ я сошлюсь на недавнее «Дополненiе» А. Ѳ. Бычкова къ Очерку Библiографiи, гдѣ подъ № 4-мъ означенъ: «Соборъ, во градѣ Вильни бывшiй, *Львовъ*, *1614 г.*, *въ 4-ку*, *24 страницы*».

Впрочемъ, я порадовался бы оправданiю не моего заочнаго предположенiя, что то книжица Львовскаго изданiя, а ихъ ожиданiя, что она напечатана въ Вильнѣ еще до 1525 г.

М. Максимовичъ.

1871 г. 4 iюня Михайлова Гора.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЬ

слѣпца семидесятитрехълѣтняго старца.

ТРИ ДОБРОДѢТЕЛИ:

ВѢРА.

О Вѣра! лучь соединенья
Съ Творцомъ небесъ, земли, морей,
Начало нашего спасенья,
Залогъ, надежда райскихъ дней.
Ты къ счастью путь намъ освѣщаешь,
Въ напастяхъ кротко утѣшаешь,
Ты жизнь души, ты духа свѣтъ!
Я не страшуся зла съ тобою,
Иду я твердою стопою
Межъ зла людей, межъ горя бѣдъ.

Совсельница души Святая,
Ты насъ возносишь отъ земли;
Даешь вкушать здѣсь сладость рая,
Живущимъ въ Богѣ и любви.
Ты кормчій въ жизни скоротечной
И къ жизни вѣчной, безконечной,
Ты путь единственный, прямой,
Въ твоемъ высокомъ откровеньѣ
Надежда и успокоенье
Даны намъ Волею святой.

Чѣмъ сталъ бы я тебя лишенный?
Нельзя представить и понять;
Лишь умъ безумьемъ омраченный
Тебя дерзаетъ отрицать.
Но тотъ, кто умъ имѣетъ свѣтлый,
О тотъ хранитъ слова завѣтны;
И любитъ ихъ, какъ Божій гласъ,
Надъ мудростьюжъ людской смѣется,
Въ ея ученье не вдастся,
Хотя пленяется подчасъ.

Но кто же Ты души лампада?
Кто ты свѣтильникъ нашихъ ногъ.
Покой ума, души отрада?
Кто въ насъ свѣтильникъ Твой возжогъ?
Господь Творецъ, Благій отъ вѣка,
Создавъ изъ персти человѣка,
И душу живу въ него влилъ;
Далъ слово, смыслъ и разумѣнье
Чтобы онъ зрѣлъ творца въ твореньи,
И славословилъ Бога силъ.

Объявленія.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу новая брошюра подъ заглавіемъ:

«*Совѣты наставникамъ народныхъ училищъ*». Составилъ *Григорій Кульжинскій*.

Эта руководящая брошюра состоитъ изъ трехъ главъ и снабжена пятью необходимыми приложеніями.

Глава I. *Объ училищныхъ помѣщеніяхъ.*

Глава II. *Объ училищныхъ порядкахъ.*

Глаая III. *О преподаваніи положенныхъ* предметовъ: А. Законъ Божій, Б. Отечественный языкъ, В. Церковно-Славянскій языкъ, Г. Ариѳметика, Д. Письмо, Е. Пѣніе.

Приложеніе № 1. *Образецъ росписанія уроковъ.*

Приложеніе № 2. *Образецъ вписной книги,*

Приложеніе № 3. *Образецъ журнала ежедневныхъ занятій.*

Приложеніе № 4. *Образецъ каталога книгъ.*

Приложеніе № 5 *Образецъ училищнаго инвентаря.*

Имѣя въ виду сдѣлать эту брошюру доступною каждому, цѣна за экземпляръ назначается самая умѣренная, именно *двадцать пять коп. сер. съ пересылкою во всѣ мѣста имперіи.*

Выписывающіе благоволятъ адресоваться *въ г. Минскъ—губернскій, Его В-гю, Григорію Ивановичу Кульжинскому.*

Примѣчаніе. Дирекціи народныхъ училищъ, Училищные Совѣты, Земства, книгопродавцы и вообще всѣ лица,

желающіе выписать эту брошуру въ значительномъ количествѣ экземпляровъ благоволятъ поспѣшить съ заявленіемъ, сколько именно приготовить для нихъ экземпляровъ.

(Извлеч. изъ № 19 Мин. Епарх. Вѣдом. 1871).

О ПРИГЛАШЕНІИ КЪ ПРІОБРѢТЕНІЮ ОТЪ ОБЩИНЫ КНИГЪ.

Община Сестеръ Милосердія, основанная и содержимая щедротами Императорской фамиліи и благотворителей, принявъ нынѣ на усиленіе средствъ къ своему содержанію нѣсколько книгъ духовно-нравственнаго содержанія, съ соизволенія ихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ, Попечителя своего Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и Предсѣдателницы Комитета Княгини Евгеніи Максимиліановны Принцессы Ольденбургской, приглашаетъ желающихъ принять участіе въ благотворительности выпискою для себя изъ общины какихъ либо изъ нижепоименованныхъ книгъ, адрессуя требованія свои такъ: Въ С.-Петербургскую общину Сестеръ Милосердія, что на Пескахъ.

1. **Новая скрижаль** или объясненіе о церкви, о литургіи и о всѣхъ службахъ и утваряхъ церковныхъ. Изданіе тринадцатое 1870 г.—2 руб.

2. **Потерянный рай**. Поэма Мильтона, Переведенная на русскій языкъ стихами. С. И. Писаревымъ. 1871 г.—2 р.

3. **Сто тридцать пять новыхъ** краткихъ поученій протоіерея Родіона Путятина. Изданіе 1871 г.—1 руб.

4. **Катихизическія поученія** протеіерея Василія Нордова. Изданіе четвертое, 1870 г. 1 руб.

5 **Бесѣды въ воспоминаніе священныхъ событій и приснопамятныхъ лицъ.** Протоіерея Василія Нордова, Изданіе 1870 г.—75 коп.

6. Объясненіе Богослуженія Св. Православной Церкви. Поученія къ своимъ духовнымъ дѣтямъ. протоіерея Василія Владиславлева, 2 части, 1868 и 1870 года; каждая часть отдѣльно по 1 руб., а за обѣ 2 руб.

7. Краткія поученія о Богослуженіи протоіерея Іоакима Романова. Изданіе 1869 г. 50 коп.

8. **Законъ Божій** для русскихъ народныхъ школъ, протоіерея Іоакима Романова, въ 3-хъ выпускахъ: выпускъ 1-й—содержитъ въ себѣ молитвы и главнѣйшіе праздники; 2-й—о церкви, какъ мѣстѣ общественнаго богослуженія, и о принадлежностяхъ ея, съ 90 рисунками, и 3-й—священная исторія Ветхаго Завѣта. Изданіе 1871 г. Каждый выпускъ по 25 коп., а всѣ три 75 коп.

9. Краткая Географія для начальныхъ школъ. Составленная А. Ивановымъ. Изданіе второе 1871 г. въ двухъ книжкахъ, содержащихъ: книжка первая: «*Общее обозрѣніе частей свѣта*»; книжка вторая: »*Обозрѣніе Россійской Имперіи*«. Каждая отдѣльно по 20 коп., а обѣ вмѣстѣ 40 к.

10. Чтеніе для дѣтей пастора Тодда. Перевелъ съ англійскаго протоіерей Евгеній Поповъ. Изданіе третье. 1871 г. 50 к.

и **11. Благородный пансіонъ** Императорскаго Царскосельскаго лицея. Изданіе 1869 г.—1 руб. 50 коп.

Всякое требованіе на эти книги съ признательностію будетъ принято Общиною и немедленно исполнено. Увѣдомленіе о полученіи денегъ и о запискѣ ихъ на приходъ по книгамъ Общины, будетъ высылаемо только тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которыя будутъ сего требовать.

Печ. дозв. Кіевъ. 15 іюля 1871 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*.
Въ типографіи И. и А. Давиденко.